

Максим Коломиец

1941

«Последний парад» мехкорпусов Красной Армии

УДК 355/359
ББК 68
К 61

Оформление серии
П. Волков

В оформлении переплета использована иллюстрация художника
В. Петелина

Коломиец М.В.
К 61 1941: «Последний парад» мехкорпусов Красной Армии /Максим Коломиец. — М.: Стратегия КМ :Яуза : Эксмо, 2013. — 96 с.: илл. — (Серия «Война и мы. Танковая коллекция»).

ISBN 978-5-699-63202-2

Эти ожесточенные бои стали «ПОСЛЕДНИМ ПАРАДОМ» мехкорпусов Красной Армии летом 1941 года. Это контрнаступление должно было закрыть огромную брешь, образовавшуюся на Минском направлении после приграничной катастрофы, и восстановить положение Западного фронта. Эта великая танковая битва, в которой с обеих сторон участвовали свыше 2000 единиц бронетехники (гораздо больше, чем под Прохоровкой!), осталась «в тени», т.к. документация советских частей была почти полностью утеряна.

Почему же контрудар 5-го и 7-го мехкорпусов РККА в районе Сенно — Лепель не увенчался успехом? По чьей вине не удалось реализовать наше превосходство в бронетехнике? Как были потеряны новейшие КВ и Т-34? Почему наши танковые армады сгорели за считанные дни, так и не добившись перелома в боевых действиях и не остановив немцев?.. **НОВАЯ КНИГА** ведущего военного историка, основанная на материалах не только отечественных, но и зарубежных архивов, отвечает на все эти вопросы. **КОЛЛЕКЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ** на мелованной бумаге высшего качества иллюстрировано сотнями эксклюзивных карт и фотографий.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-63202-2

© Коломиец М.В., 2013
© ООО «Стратегия КМ», 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ПРЕЛЮДИЯ: БОРИСОВ – ЛОШНИЦА – КРУПКИ	6
ПОДГОТОВКА КОНТРУДАРА	30
«ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД»	47
ИТОГИ БОЕВ	89
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	92

Танк БТ-7М из состава 1-й моторизованной дивизии, подбитый у автостреды Москва – Минск. Начало июля 1941 года. На маске пушки видна цифра 7 – такие обозначения использовались дивизией на довоенных учениях (более крупно цифра дана справа, АСКМ).

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателям книга посвящена боевым действиям танковых частей Западного фронта в районе Сенно — Лепель в начале июля 1941 года. Эта была последняя наступательная операция механизированных корпусов Красной Армии формирования 1940—1941 года. Несмотря на большое количество участвующих в боях танков (с советской и немецкой стороны действовало почти 2000 танков на довольно узком участке фронта), это сражение до сих пор остается «в тени».

Одной из причин этого является небольшое количество документов об этих боях, сохранившихся в архивах. Дело связано с тем, что многие соединения и части, участвовавшие в этой операции, впоследствии, в ходе Смоленского сражения, попали в окружение. В результате, часть документов оказались уничтоженной. Например, в журнале боевых действий 5-го механизированного корпуса записано, что из-за уничтожения большей части оперативных документов при выходе корпуса из окружения 4 августа 1941 года, записи велись по памяти, «по справкам участников боев и по отдельным оперативным документам». Аналогичная ситуация и с 1-й моторизованной дивизией. Несколько лучше обстоит дело с 7-м мехкорпусом, особенно с его 14-й танковой дивизией — по последней даже сохранились акты на списание техники и журналы боевых действий полков и отдельных батальонов.

Помимо советских документов при подготовке данной работы использовались и не-

мецкие материалы американского архива NARA. Кроме того, благодаря помощи друзей автору удалось побывать в основных точках сражения — в Борисове, Толочине, Сенно, Богушевском и ряде других мест. Это во многом помогло при разборе боевых действий и выяснении причин того или иного решения командования.

Предлагаемая читателям работа является первой попыткой подробно рассмотреть попытку контрудара 5 и 7-го мехкорпусов в районе Сенно — Лепель и попытаться проанализировать причины его неудачи. Однако эта книга не претендует на полное восстановление картины происходящего и автор будет благодарен всем, кто пришлет свои конструктивные замечания, и уточнения по данной теме на адрес: magazine@front.ru.

Автор выражает благодарность всем, кто помогал в сборе материала и работе над данной книгой — Алексею Исаеву, Андрею Герасимовичу, Юрию Пашолоку, Андрею Карпову и Павлу Шиткину.

Отдельно хочется поблагодарить своих друзей Нину Соболеву, Евгения Драгунова и Александра Радаева за организацию и проведение экспедиции по местам боев. Особая благодарность моему другу Игорю Матюку за возможность прикоснуться к ожившей истории: посидеть за рычагами и почувствовать себя механиком-водителем и командиром легендарной «бетешки» — легкого танка БТ-7.

ПРЕЛЮДИЯ: БОРИСОВ – ЛОШНИЦА – КРУПКИ

**Немецкий танк
Pz.III Tauchpanzer
с оборудованием
для преодоления
водных преград
по дну из состава
18-й танковой
дивизии вермахта.
Машина была
подбита в Борисове
1 или 2 июля 1941
года, хорошо
видны пробоины
от 45-мм снарядов
с левой стороны
лобового листа
корпуса, а также
поврежденное
ведущее колесо
(ЯМ).**

Поражение войск Западного фронта в приграничном сражении на минском направлении привело к тому, что в обороне Красной Армии образовалась брешь шириной 400 километров. Для восстановления положения Ставка ВГК 1 июля 1941 года включила в состав Западного фронта четыре армии – 19, 20, 21 и 22-ю, которые до этого входили в группу армий резерва Главного Командования. Новые части и соединения развертывались в так называемых «Смоленских воротах» между Оршей и Витебском, на рубежах рек Днепр и Западная Двина.

Но пока прибывали резервы, задерживать наступление противника приходилось теми частями, которые избежали окружения под Минском, а также группами и отрядами, созданными в спешном порядке. Наиболее известным из таких групп стал гарнизон города Борисова.

К началу войны в городе размещалось Борисовское бронетанковое училище, начальником которого был корпусной комиссар Иван Захарович Сусайков.

Училище это было довольно молодое – его сформировали в феврале 1940 года как Минское кавалерийское, в сентябре перевели в Ново-Борисов (часть Борисова на западном берегу Березины. – *Прим. автора*) и переименовали в Борисовское кавалерийское. С 14 февраля по 15 марта 1941 года согласно приказу наркома обороны его переформировали в Борисовское бронетанковое училище и к началу Великой Отечественной войны оно насчитывало около 1400 человек преподавателей и курсантов.

В 10.00 26 июня 1941 года через почтовую станцию Борисова начальник училища получил сообщение о том, что в районе Логайска появилась мотоколонна и танки противника. В это же время пропала связь с Оршей

и Минском. По приказанию корпусного комиссара Сусайкова училище было поднято по тревоге и выведено из военного городка Печь в лес на восточный берег Березины. На следующий день оно перешло на штатный расчет стрелкового полка 16-ротного состава (четыре батальона). Кроме того, в его состав включили сводный пятый батальон, сформированный из отходивших бойцов и командиров.

Одновременно корпусной комиссар Сусайков возглавил гарнизон Борисова, начав формирование частей из имевшегося личного состава. Для этого использовались отбившиеся от своих штабов подразделения, командиры, возвращающиеся из командировок и отпусков и т.д. Любопытно, что 26 июня к Борисову отошли остатки 5-го гаубичного артполка 5-й танковой дивизии, разгромленной в районе Алитуса и Вильно.

Для получения данных о противнике по приказу Сусайкова дозоры из двух бронемашин провели разведку в сторону Минска на Смолевичи и Загорье (глубиной до 40 километров).

К 30 июня Борисовский гарнизон насчитывал 6876 человек «кроме частей 108-й стрелковой дивизии». Из состава последней,

в городе оказался 585-й гаубичный артполк (около 600 человек). Таким образом, к началу июля в войсках гарнизона Борисова числилось около 7500 человек.

Наиболее боеспособным считалось танковое училище — об остальных частях Сусайков был невысокого мнения, называя их в докладе от 28 июня 1941 года «сборный сброд». Справедливости ради надо сказать, что создать из отдельных групп боеспособные соединения менее чем за неделю вряд ли было возможно. В городе оказались и кадровые части — 585-й гаубичный, и 575-й артполки (в первом 122 и 152-мм гаубицы, во втором 76-мм пушки), а также несколько зенитных дивизионов, вооруженных 85, 76 и 37-мм орудиями. Правда и в кадровых, и в спешно формируемых отрядах ощущался острый недостаток вооружения и личного состава. Так, в докладе начальника отдела политической пропаганды Борисовского гарнизона бригадного комиссара Михеева от 30 июня 1941 года говорилось:

«Основным недостатком является еще медленное укомплектование ряда частей людским составом, оружием и материальной частью. Так, например, полк майора Горгашвили имеет более 700 человек рядового состава,

Разбитый автомобиль ГАЗ-ААА со счетверенной зенитной установкой пулеметов Максима 4М в кузове из состава 1-й моторизованной дивизии. Район Борисова, начало июля 1941 года (ЯМ).

**Танк БТ-7М,
предположительно
из состава
разведбата 1-й
моторизованной
дивизии,
подбитый у моста
через Березину
в Борисове
(на западном
берегу). На заднем
плane хорошо видны
металлические
фермы моста
(АСКМ).**

всего 8 станковых пулеметов, отсутствуют ручные гранаты даже на один день боя, нет автоматического оружия и бронебойных винтпатрон. В полку полковника Тупицына материальная обеспеченность ниже, чем в полку майора Горгашвили.

Кадровый 585 гап 108 сд (командир майор Мородян) укомплектован на 75% людским составом, конским на 40%. В 3-м дивизионе отсутствуют трактора-тягачи, автомашинами обеспечены на 50%, боеприпасов 6/к к 152-мм пушкам. 16 гаубиц требуют ремонта, 5 из них капитального»

В целом по гарнизону не хватало до 500 винтовок для вооружения людей, имелось очень мало автомашин, совершенно отсутствовала колючая проволока, противотанковые мины, взрывчатка и перевязочный материал.

Тяжелое положение было с боеприпасами — совершенно не было снарядов к 85-мм зениткам, отсутствовали бронебойные к 76 и 37-мм, не хватало снарядов к сорокапяткам.

Многие исследователи говорят о том, что в частях Борисовского гарнизона не было танков, что не соответствует действительности. Так, в приемо-сдаточной ведомости машин Борисовским танковым училищем от Борисовского кавалерийского, датированной 30 марта 1941 года, фигурируют 7 танков БТ-2, 10 БТ-5, 4 БТ-7 и 35 танкеток Т-27 (последние использовались для обучения вождению механиков-водителей). В сводке по училищу от 25 апреля числится 22 БТ (без разбивки на типы) и 18 Т-27. Увеличение бетешек на одну штуку связано, скорее все-

го, с получением ее из ремонта, а уменьшение танкеток наоборот отправкой их на ремонт. Таким образом, к началу боев училище имело два десятка танков и примерно столько же (а может и меньше) танкеток. Об участии этих машин в боях есть упоминания и в журнале боевых действий училища.

К 28 июня 1941 года части Борисовского гарнизона заняли оборону на широком 50-километровом фронте от совхоза Веселово до Чернявки. Из-за недостатка сил большая часть войск отдельными отрядами сосредотачивалась у переправ через Березину в Веселово, Бол. Ухолоды, Заборное (в районе этих населенных пунктов имелись деревянные мосты через реку) и в самом Борисове (деревянный пешеходный, железобетонный автомобильный на трассе Минск — Москва и железнодорожный мосты). Естественно, основные силы размещались в Борисове — два сводных стрелковых полка, 585-й гаубичный артполк, дивизион 76-мм орудий 575-го артполка, два дивизиона 76-мм зениток, минометная и пулеметная роты, танковый отряд. Приказом № 2 по Борисовскому гарнизону от 28 июня 1941 года отрядам предписывалось «упорной обороной не дать противнику форсировать р. Березина, при полном истощении сил и средств переправы капитально взорвать, продолжая упорную оборону».

Кстати, сам Сусайков не питал никаких иллюзий относительно боевой ценности своего гарнизона. В своем докладе в штаб Западного фронта от 28 июня он просил усилить свои части танковым батальоном, сколоченным стрелковым полком, а также обеспечить

Тот же танк БТ-7М, что и на предыдущем фото. Рядом самоходная установка 20-мм зенитки на полугусеничном тягаче Sd.Kfz. 10/4/. Июль 1941 года (ЯМ).

противотанковыми средствами (орудиями и минами), боеприпасами, связью и продовольствием, отмечая при этом, что «вне учета этого вопрос обороны Борисова и рубежа р. Березина разрешен быть серьезно не может».

Кстати сказать, ситуация на фронте в тот момент была для командования Борисовского гарнизона (да и для вышестоящего тоже) совершенно неясной, сведения о противнике имелись самые противоречивые. Обстановку в те дни и настроения людей хорошо иллюстрирует фрагмент из книги воспоминаний писателя Константина Симонова «В разные дни войны». Она была написана на основе дневниковых записей, которые Симонов вел в годы войны. Впоследствии многие эти эпизоды писатель включил в свой знаменитый роман «Живые и мертвые»:

««26-го [июня], вернее, в ночь на 26-е поезд подошел к Борисову. Известия с каждым часом были все тревожнее. И надо сказать, мы быстро привыкали к ним, хотя и трудно было поверить.

Рядом со мной в вагоне сидели полковник-танкист и его сын, мальчик лет шестнадцати, которого отцу разрешили взять с собой в армию. Кроме них, один артиллерийский капитан, по виду спокойный человек.

Слезли в Борисове в шесть утра. Дальше поезда не шли. Были сведения, что пути до Минска разбомблены и перехвачены десантом. Потом говорили, что немцы уже вышли на железную дорогу между Минском и Борисовом, обойдя Минск. Но нам это еще не приходило в голову, думали, десант...

Поев, три часа металась по городу в поисках власти. Ни комендант станции, ни ко-

мендант города ничего не могли сказать. Начальник гарнизона корпусной комиссар Сушайков был не то в городе, не то километрах в двенадцати от города у себя в бронетанковом училище, которым он командовал.

После долгих поисков мы с артиллерийским капитаном поймали пятитонку, шофер которой готовился бросить ее из-за того, что кончился бензин, и поехали по Минскому шоссе искать хоть какое-нибудь начальство...

По дороге шли войска и машины. Одни в одну сторону, другие — в другую. Ничего нельзя было понять.

Выехали из города, но там, где стояло бронетанковое училище, верней, должно было стоять, и где, по нашим расчетам, мог находиться начальник гарнизона, все было настежь распахнуто и пусто. Стояли только две танкетки, и в ожидании отъезда сидели в одной из комнат их экипажи. Никто ничего не знал. Начальник гарнизона, по слухам, был где-то на Минском шоссе, а училище было уже эвакуировано.

Поехали обратно в город. Немецкие самолеты гонялись за машинами. Один прошел над нами, строча из пулемета. От грузовика полетели щепки, но никого не задело. Я плюхнулся в пыль в придорожную канаву.

Вернулись в комендатуру. Комендант — старший лейтенант — кричал: «Закопать пулеметы!» За два часа нашего отсутствия многое переменялось. По городу шли и бежали неизвестно куда люди.

Я попросил коменданта выдать мне наган. На это комендант мне ответил: «Эх! Что бы вам обратиться раньше на полчаса. Ничего

То же место, что и на предыдущих фото, снятое спустя некоторое время.

Танк БТ-7М уже сдвинут немцами в сторону, чтобы не мешать проезду.

На этом фото хорошо видны не только фермы моста, но и его опоры (ЯМ).

не осталось. Все за час роздали. Даже маузеры раздавали рядовым бойцам».

В нашей машине бензин действительно был уже на исходе. Узнав, где находится нефтебаза — она была примерно в пятнадцати километрах в сторону Минска, — поехали туда за бензином. По дороге посадили в машину какого-то интенданта и еще двух-трех военных.

На нефтебазе все оказалось спокойно, хотя по дороге нас уверяли, что там уже немцы. Пока мы ведрами заливали бензин в машину, капитан пошел к начальнику нефтебазы что-то выяснить. Войдя вслед за ним, я увидел странную картину: капитан, с которым я приехал, и какой-то полковник держали под взведенными наганами двух командиров в форме саперов. Один из них был с орденами. У обоих было отобрано оружие. Как впоследствии оказалось, их прислали сюда выяснить возможность подрыва нефтебазы, и не то они перепутали и явились уже подрывать ее, не то их не так поняли, в общем, вышло недоразумение, из-за которого капитан и полковник приняли их за диверсантов и пять минут держали под револьверными дулами. Когда все наконец выяснилось, один из саперов — немолодой майор с двумя орденами — стал кричать, что с ним никогда еще такого не было, что он три раза был ранен в финскую кампанию, что после такого позора ему остается только застрелиться. С трудом удалось его успокоить. Заправившись бензином, поехали обратно...

Когда мы снова добрались до города, комендатура грузилась. На мой вопрос, что про-

исходит, комендант охрипшим голосом прокричал:

— Есть приказ маршала Тимошенко оставить Борисов, перейти на ту сторону Березины и там, не пуская немцев, защищаться до последней капли крови!

Мы выехали из города. По пыльной дороге на восток шли машины, изредка — орудия. Двигались пешком люди. Теперь все же направлялись в одну сторону — на восток...

Переехав через мост, мы свернули с дороги и остановились в небольшом редком лесу, метрах в шестистах, от реки. Здесь уже кишмя кишело. По большей части все это были командиры и красноармейцы, ехавшие из отпусков обратно в части. А кроме них, бесконечное количество призванных, упорно двигавшихся на запад, на свои призывные пункты.

Было уже часа четыре дня. Несколько полковников, в том числе и тот полковник-танкист Лизюков, с которым я ехал в одном вагоне, наводили в лесу порядок. Составляли списки, делили людей на роты и батальоны и отправляли налево и направо вдоль берега Березины занимать оборону. Было много винтовок, несколько пулеметов и орудий.

Артиллерийский капитан, с которым я ездил, отправился еще обратно в Борисов за снарядами и пушками, потому что хотя здесь были и пушки, и снаряды, но калибр снарядов не соответствовал калибру орудий...

Я вернулся в лес. Шофер лежал под машиной, головой — под мотор. Выехав с ним на дорогу, мы узнали у проходивших военных, что всем приказано отойти киломе-

тров на семь назад, туда, где через лес идет просека.

На лесной дороге было темно. Я шел перед машиной, чтобы не дать ей врезаться в деревья. Когда рассвело, мы добрались до опушки леса, где чуть ли не за каждым деревом стояли машины. Люди рыли окопы и щели.

Я оставил машину в лесу, рядом с другими машинами, а сам пошел искать какое-нибудь начальство. Мне указали как на старшего на корпусного комиссара Сусайкова. Он стоял на лесной дороге, молодой небритый человек в надвинутой на глаза пилотке, в красноармейской шинели, накинутой на плечи, и почему-то с лопатой в руках. Я подошел к нему и по своей все еще не выветрившейся наивности спросил, где редакция газеты, в которой я мог бы работать, потому что я писатель и направлен в армейскую газету.

Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом и сказал равнодушно:

— Разве вы не видите, что делается? Какая газета?!

Я сказал, что мне надо явиться в штаб фронта, в политуправление. Он покачал головой. Он не знал, где штаб фронта, вообще он ровно ничего не знал, так же как и все находившиеся вместе с ним в этом лесу».

Советское командование понимало важность удержания противника на рубеже Березины, но быстро усилить гарнизон Бо-

рисова не представлялось возможным — от рубежа развертывания резервных армий до Березины было почти 130 километров. Относительно быстро такое расстояние могло преодолеть только моторизованное соединение. Поэтому в спешном порядке к Борисову направили 1-ю Московскую Пролетарскую моторизованную дивизию 7-го мехкорпуса. Она была сформирована еще в декабре 1926 года как Московская Пролетарская стрелковая дивизия с дислокацией в Москве, и как правило, комплектовалась трудящимися этого города. К концу 1930-х годов это соединение являлось одним из лучших в Красной Армии. Она одной из первых получала на вооружение новые образцы боевой техники (например, динамореактивные пушки Курчевского, тягачи «Пионер», автоматические винтовки Симонova АВС-36), регулярно участвовала в парадах на Красной площади. Летом 1940 года дивизию переформировали в моторизованную и включили в состав 7-го мехкорпуса Московского военного округа. К началу Великой Отечественной войны в состав 1-й Московской Пролетарской дивизии входили 6 и 175-й мотострелковые, 12-й танковый и 13-й артиллерийский полки, 300-й зенитный и 123-й противотанковый артиллерийские дивизионы, 93-й разведывательный батальон, 28-й батальон связи, 22-й инже-

Мост через Березину на старой автострате Москва – Минск в Борисове, современный вид. Август 2010 года. Металлические фермы уже другие, но опоры остались от моста довоенной постройки. Бетешка, изображенная на предыдущих фото, стояла там, где показано стрелкой (фото автора).

Немецкие солдаты осматривают подбитый танк БТ-7М из состава 1-й Московской Пролетарской дивизии. Автострада Москва – Минск, июль 1941 года (АСКМ).

нерный, 54-й ремонтно-восстановительный, 87-й медико-санитарный и 45-й автотранспортный батальоны. По состоянию на 24 июня 1941 года она насчитывала 10955 человек, 205 танков БТ-7, 24 Т-38, 39 бронемашин БА-10 и БА-20, 1202 автомашины, 4 37-мм и 8 76-мм зенитных орудий, 30 45-мм ПТО, 8 76-мм полковых и 8 76-мм дивизионных орудий (Ф-22УСВ), 16 122-мм и 12 152-мм гаубиц, 12 82-мм и 54 50-мм минометов. Дивизией командовал полковник Яков Григорьевич Крейзер.

Таким образом, это соединение имело довольно высокий процент укомплектованности, близкий к полному штату военного времени (93% по личному составу, 83% по танкам, 75% по броневикам, 76% по автотранспорту, 100% по артиллерии).

Кстати сказать, немецкое командование вермахта отмечало высокую боеспособность Пролетарской дивизии. Например, в бюллетене германского генерального штаба сухопутных войск «Вооруженные силы Советского Союза по состоянию на 1 января 1941 года» говорилось:

«Особенно подготовленных соединений нет, кроме 1-й Пролетарской стрелковой ди-

визии, находящейся в Москве в качестве парадной».

Еще 24 июня 1941 года дивизия начала движение в сторону Орши с задачей занять оборону в районе города. Гусеничная техника и артиллерия грузились в эшелоны, мотострелковые полки двигались на грузовиках по шоссе. Начиная с 26 июня, 1-я моторизованная дивизия начала занимать оборону вдоль шоссе Орша – Витебск. Вскоре в сторону Березины был выслан 93-й разведбат, который 28 июня вошел в контакт с частями Борисовского гарнизона. На следующий день по распоряжению Сусайкова части батальона провели разведку в направлении Смолевичи, Плисса. Примерно в 14.00 разведчики столкнулись с немецкими частями и после скоротечного боя, в ходе которого они потеряли 3 человека убитыми, 2 ранеными, сгоревшими два броневика БА-10 и два грузовика ГАЗ-АА, отошли к Борисову.

30 июня 1941 года авиаразведка Западного фронта сообщила о движении немецких мотоколонн в направлении на Борисов. Для предотвращения этого 30 июня командующий фронтом генерал Д. Г. Павлов написал следующую директиву:

«1. В связи с обозначившимся обходом правого фланга фронта в направлении Зембин — Борисов приказываю:

1-ю моторизованную дивизию сосредоточить севернее Борисова, занять для обороны рубеж Крилевичи, Стахов и переправу у Чернявки южнее Борисова 25 километров. В этих пунктах войти в связь с войсками Борисовского гарнизона с задачей — не допустить прорыва противника, особенно его танковых частей, через р. Березина».

Кстати, это был один из последних документов, подписанный Павловым в качестве комфронта — в тот же день он был отстранен от должности, 4 июля арестован и вскоре расстрелян. Тем не менее, согласно этой директиве к Борисову выдвигалась 1-я Пролетарская дивизия — она находилась ближе других к Березине, к тому же являлась моторизованной, что позволяло значительно сократить сроки ее переброски.

Приказ о выступлении командование дивизии получило ночью 1 июля, а через несколько часов соединение приступило к его выполнению. В оперсводке штаба Западного фронта, подписанной в 11.40 1 июля, говорилось:

«1-я моторизованная дивизия подготавливает рубеж обороны западнее Орши. С 5.00 1 июля начала выдвигаться в район Березины на участок Зембин, Борисов, Чернявка с задачей — не допустить продвижение танковых частей противника, обходивших с севера Минский УР и задержавшихся в районе Плещеница, Логойск».

Если быть более точным, то в 5.40 на Борисов пошел разведывательный батальон и танковый полк дивизии, а спустя сорок минут — мотострелковые и артиллерийский полки. Именно такое время отражено в оперативных сводках Западного фронта.

Здесь необходимо дать небольшое пояснение. Дело в том, что документов о боевых действиях 1-й моторизованной дивизии в архивах сохранилось крайне мало. Это связано с тем, что в июле 1941 года дивизия дважды попадала в окружение — 17 и 27 июля. Поэтому главным источником о действиях Московской Пролетарской дивизии долгое время служили воспоминания ее тогдашнего командира Я. Крейзера, опубликованные в 1966 году. Последние, в свою очередь, основывались на историческом формуляре дивизии, содержащем ряд неточностей. Напри-

Тот же БТ-7М, снятый осенью 1941-го или весной 1942 года. Сбоку на маске пушки видна цифра 3 (внизу справа дана более крупно) — такие обозначения использовались 1-й моторизованной дивизией на довоенных маневрах (АСКМ).

**Маневры 1-й
Московской
Пролетарской
дивизии. Весна
1941 года. На БТ-7,
изображенном
на фото слева,
хорошо видна
цифра 5 на маске
пушки. На маске
среднего танка
цифра также
присутствует,
но ее плохо видно
(РГАСФД).**

мер, Крейзер пишет о том, что его дивизия получила приказ на марш в 4 часа 30 июня, к полудню прибыла в Борисов и начала занимать оборону.

В формуляре речь идет о еще более раннем времени выдвижения дивизии — вечере 29 июня 1941 года. Согласно этому документу к утру следующего дня части 1-й Московской Пролетарской заняли оборону и в 16.00 уже вступили в бой. Но как уже говорилось выше, приказ на выдвижение к Березине дивизия получила ночью, а движение начала в 5 утра 1 июля.

Прежде чем перейти к рассказу о боевых действиях под Борисовым, следует разобраться с танковым парком 1-й моторизованной дивизии. Как уже говорилось выше, к 24 июня она насчитывала 205 бетешек, причем, судя по документам, это были дизельные машины БТ-7М. По распоряжению Военного Совета 20-й армии (в ее состав входил 7-й мехкорпус, а с вечера 30 июня 1-я мотодивизия подчинялась непосредственно штабу армии) № 10 от 30 июня 1941 года 1 июля в распоряжение штаба армии был направлен «батальон танков БТ-7 дизельные из состава 12 ТП», всего 28 машин. Таким образом, к 1 июля в 1-й Московской пролетарской дивизии имелось 177 бетешек.

Еще один вопрос, который, по мнению автора, требует уточнения — об участии Т-34 и КВ в боях в составе 1-й моторизованной дивизии. Так, в воспоминаниях Я. Крейзера сказано, что «находясь в районе Орши, дивизия получила 30 танков Т-34 и 10 танков КВ». Эти цифры впоследствии повторялись во многих публикациях. Однако изучение архивных документов показывает, что ситуация была несколько иной.

Дело в том, что еще 24 июня 1941 года в адрес 7-го механизированного корпуса с Кировского завода в Ленинграде было отгружено 40 танков КВ-1 и КВ-2. Машины разгрузились в Смоленске и 30 июня командующий 20-й армией Ремизов приказал командиру мехкорпуса:

«1. Роты батальона танков КВ не позднее 1.00 1 июля придать:

Две роты 14-й танковой дивизии, одну роту 18-й танковой дивизии, одну роту (76-мм) мотодивизии.

2. Командиру мотодивизии использовать роту танков КВ как танково-артиллерийский резерв на направлении Орша — Толочин с тем, чтобы при появлении противника перед Оршей уничтожить их контрударом.

3. Для движения по маршруту Бабиновичи — Орша использовать ночь».

